

УДК 82.09



Т.Ф. Волкова

*Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина*

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СЮЖЕТОВ ПЕЧОРСКИМ КРЕСТЬЯНИНОМ XIX ВЕКА (ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕДАКЦИИ И.С. МЯДИНА)

В статье на материале целого ряда переработок древнерусских повестей печорским книжником XIX в. И.С. Мяндиным характеризуется отражение в них тем, идей, образов, волновавших усть-цилемско-старообрядца, выявляются вносимые им дополнения в древнерусский текст.

Усть-Цильма, И.С. Мяндин, переработки древнерусских повестей, старообрядческая книжность.

Древнерусская литература, создававшаяся в период русского средневековья (XI–XVII вв.), не исчезла за его пределами. Она продолжала жить в среде демократических слоев населения России вплоть до начала XX века. Особенно большую роль в ее активной жизни за пределами Средневековья сыграли старообрядцы: именно они не только активно читали старинные рукописи, но столь же активно их переписывали для себя в свои сборники, а порой и редактировали древнерусские тексты, внося в них новые фрагменты, меняя стилистику, добавляя отсутствующих в текстах источников персонажей, насыщая текст новыми идеями, отражающими представления старообрядческих переписчиков о том, какими должны быть правители государства, правильные отношения в семье, как нужно исполнять правила христианского бытия.

Такие переделки древнерусских и старообрядческих литературных текстов обнаружались в ходе археографического изучения Усть-Цилемского района Республики Коми – своеобразного «заповедника» старинной книжности – в 50–80-е годы XX века сначала ленинградскими учеными во главе с В.И. Малышевым, затем студентами Ленинградского университета под руководством Н.С. Демковой, а с конца 70-х гг. филологами Сыктывкарского университета под руководством автора статьи. В эти годы были собраны многочисленные рукописные сборники XVI–XX вв., бытовавшие в среде печорских старообрядцев. В настоящее время в государственных хранилищах Санкт-Петербурга и Сыктывкара хранятся свыше 1100 рукописей, найденных на Печоре (см. описания их: [18; 19; 22, с. 136–242; 24]). Изучение рукописей, переписанных в XVIII–XIX вв. печорскими крестьянами, выявило местные редакции древнерусских повестей, житий, поучений. Имена составителей этих литературных переделок средневековых текстов остаются в подавляющем большинстве неизвестными, тем ценнее открытие одного из них, сделанное В.И. Малышевым, – усть-цилемского крестьянина Ивана Степановича Мяндина (1823–1894), двухсот-

летний юбилей которого мы будем отмечать в 2023 г. (см. о нем: [20]). Он стал профессиональным писцом, помогавшим своим землякам писать жалобы на их притеснителей – местных богачей. В свободное от своей писарской деятельности время (Иван Степанович служил письмоводителем у богатого устьцилемца Прокопия Чупрова) Мяндин занимался переписыванием понравившихся ему литературных произведений из старинных сборников, различных литургических текстов, необходимых для домашнего богослужения. В настоящее время известно около 400 отдельных рукописных текстов, переписанных его рукой.

Для понимания характера восприятия в XIX в. в демократической читательской среде тем, образов и идей средневековой литературы представляют особый интерес те переписанные Мяндиным произведения, которые под его пером обрели, по сути дела, новое содержание. Изучением мяндинских переделок занимались многие ученые разных городов – Петербурга, Новосибирска, Сыктывкара, Петрозаводска (см.: [3, с. 842–846]). Накопленный материал позволяет дать представление об основных направлениях, в каких шла работа Мяндина по переработке источников, о тех идеях, которые он вносил в текст в ходе его переписывания, а также о его редакторских приемах [3]. Появившиеся за последние годы новые исследования о мяндинских переработках (см.: [28]) позволяют дополнить наш первый обзор исследований о них 2006 года.

Особый интерес представляют те переделки Мяндина, в которых выявляется его крестьянский взгляд на описываемые события [4; 7], причем взгляд крестьянина, выросшего и прожившего всю свою жизнь в районе, где были сильны и активны фольклорные традиции, бытовали многочисленные произведения разных жанров устно-поэтического творчества, что не могло не сказаться на мировоззрении печорского книжника, с детства жившего в атмосфере не только христианских идей, активно осмысляемых печорскими старообрядцами, но и фольклора, пронизывавшего жизнь каждой семьи.

В чем же и где проявлялся этот крестьянский взгляд Мяндина на описываемые события далекого прошлого? Во-первых, в мяндинских переделках отразились представления печорского крестьянина о трудолюбии и терпении как необходимых для человека качествах, которые могут его спасти в самых драматических жизненных ситуациях, на что впервые обратил внимание В.И. Мальшев [17]. Так, в мяндинской редакции Повести о царице и львице (см.: [29]), дошедшей в двух мяндинских вариантах (ИРЛИ, УЦ 66, л. 304–335 об. и РНБ НСРК О. 100, л. 26–53 об.)¹, оклеветанная царица, сосланная мужем с малолетними детьми в дремучий лес на растерзание диким зверям и в конце концов после долгих странствий по лесным дебрям оказавшаяся среди людей, в родном городе, зарабатывает себе на жизнь рукоделием. В основной редакции повести этого мотива нет, там царицу с сыном содержит богатый воин, а она только занимается воспитанием сына. Мотив рукоделия царицы введен Мяндиным, стремившимся подчеркнуть в главной героине-царице ее умение и стремление трудиться, качество, столь ценное в крестьянской среде.

В другой повести, трижды переработанной Мяндиным, – о гордом царе Аггее (см.: [23]) – возгордившийся царь, наказанный Богом за недоверие к евангельскому слову и на время превратившийся в бездомного бродягу, безуспешно пытается разными способами заработать на пропитание, в том числе и крестьянским трудом. Осваивая сюжет этой повести, Мяндин в первую очередь обратил внимание на эпизод работы царя у крестьянина. В основной редакции он сводится к одной фразе, а в северодвинском варианте, использованном Мяндиным, этот эпизод был более разработан, но Мяндину он показался, по-видимому, недостаточно конкретным, и он внес в этот эпизод, близкий ему по теме, целый ряд деталей и подробностей: царь у Мяндина, чтобы не умереть с голоду нанявшийся на работу к крестьянину, получил задание *ехати на поле орати ниву*, но оказалось, что он не знает *не токмо, как орати, но и волю впряци*, когда же наниматель отправляет Аггея *дрова сеци*, то царь *сечаше древо едино весь день, а дров не насече на день для затопки* (ИРЛИ, УЦ 67) [23, с. 352–353]. В итоге земледелец ему отказал и *найма никакого не вда, разве одинаго хлеба*, сопроводив «увольнение» царя назидательной репликой-вопросом: *Како служить наймуеишия, а работать не умеиши?* (Там же, с. 353). Все эти подробности появляются только в Мяндинской версии Повести о гордом царе Аггее.

Иногда Мяндин, обращаясь к средневековому литературному источнику, почти полностью заменяет его текст, сохраняя лишь саму тему перерабатываемого произведения. Примером тому служат мяндинские списки Поучения против лени, исследованного по древнерусским спискам П.В. Владимировым [1]. Один из вариантов «Слова о ленивом» указывает его источником средневековый сборник афоризмов «Пчела». На основе именно этой версии «Слова о ленивом» на Печоре были созданы в XIX веке свои местные ре-

дакции, по-новому развивающие тему лени и ее губительных последствий для человека. Печорские крестьяне дополнили афоризмы своих средневековых предшественников личными весьма конкретными и реалистическими наблюдениями над жизнью и бытом некоторых своих обленившихся односельчан. Особенно ярко это проявилось в списке Слова, созданном И.С. Мяндиным ИРЛИ, УЦ 70 («О лѣнивыхъ», л. 35 об.–36 об.). Он имеет оригинальный текст и только в самом начале обнаруживается связь с известным «словом» из «Пчелы» – представлен с незначительными сокращениями лишь начальный фрагмент этого «Слова», заканчивающийся перечнем бед ленивого. Далее следует изобилующее конкретными деталями и зримыми подробностями описание разрушенного ленью хозяйства нерадивого крестьянина. Начинается оно, естественно, с дома – основного богатства крестьянина: *У лѣниваго хозяина в домѣ безпорядки: крыша худа, снѣгъ и дождь у него в гостяхъ, а изба стоитъ на боку...* (л. 36). Второй показатель благополучия крестьянского хозяйства – здоровая и ухоженная скотина. У ленивого же *голодная скотина стоитъ без сѣна* (Там же). Столь же неблагоприятно и в семье ленивого: его *робятишка* бегают *полунаги без хлѣба*. Если средневековое «слово» обрушивает всю силу своих обличений на ленивых хозяев-мужчин, то печорское «слово» «восстанавливает справедливость» и крупным планом рисует картину запущенной крестьянской избы, за состояние которой отвечает женщина-хозяйка: *У лѣнивой хозяйки в доми поль не мыть, печь и трубы едва стоятъ, а у самой платишко едва закрываетъ стыдъ. У лѣнивой хозяйки в избѣ соръ и шаль во всякомъ углу, а из червѣи и торакановъ хоишь уху вари* (л. 36–36 об.). Завершается это краткое описание указанием на ежегодно повторяющееся небрежение ленивых хозяев к крестьянскому труду: *Лѣнивыя хозяйева лѣтом росу просыпають, а зимой ни хлѣба, ни сѣна нѣ выдають* (л. 36 об.). Далее следует назидательная концовка, обращенная к «братьям» и «сестрам» с призывом не лениться, *да здѣ не будемъ гладни и жадни и в будущемъ не получимъ вѣчныхъ мукъ* (Там же), в которой снова, как и в начале этого поучения, слышатся отголоски «Слова» из «Пчелы», также завершающегося угрозой «вечных мук» (см. подробнее: [11]).

Крестьянский взгляд в некоторых переработках Мяндина проявился и в трактовке темы земной награды за добрые дела. Так в Повести о Тимофее Владимирском Мяндин меняет смысловые доминанты сюжета: если в древнерусской повести такой доминантой становится мысль о великой силе покаяния, спасающего даже самую грешную душу от гибели, то в мяндинской редакции на первый план выдвигается тема земной награды за спасение грешника: печорский книжник дважды подробно описывает драгоценности, которые оставляет русскому отроку казанский воевода – бывший русский священник Тимофей, внезапно умерший после получения прощения от митрополита и царя за свою политическую и религиозную измену Руси, привезенного ему отроком ([10]; издание текста см.: [2, с. 137–141]).

Некоторые повести, переработанные Мяндиным, отразили его крестьянский взгляд на идеального пра-

¹ Здесь и далее ИРЛИ, УЦ – Усть-Цилемское собрание рукописей ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН; РНБ – Российская национальная библиотека.

вителя – демократического, «народного» царя, который в главных вопросах советуется со своими подданными, прислушивается к их мнению и вовлекает «всенародное множество» (любимое выражение Мяндина) в праздники по поводу радостных событий в жизни государства и царской семьи (см.: [17]).

Часто эти мотивы появляются в переработанных Мяндиным или заново им сочиненных концовках повестей. Например, в Повести о царевне Персике ([16]; см. издание текста: [2, с. 175–196]), обращаясь на пиру к «всенародному множеству», царь отказывается от своей короны по старости и утверждает на царстве своего «приемного сына» Евгения – спасителя и избранника царской дочери Персики – и саму Персику *к великой радости всех граждан*. Такая концовка закрепляла в сознании читателя образ царя, близкого к народу, вовлекающего всех граждан в круговорот своих семейных и государственных дел.

Обратимся далее к отражению в художественном сознании крестьянина-старообрядца XIX в. поэтического мира русского фольклора [13]. На использование И.С. Мяндиным эпической образности впервые обратил внимание О.В. Творогов [27], исследовавший два печорских списка «Троянских сказаний» (ИРЛИ, УЦ 66, л. 116–139 об. и УЦ 267, л. 288–323 об. См. издание текста: [2, с. 238–260]). Отталкиваясь от наблюдений ученого, мы проследили, как в списке УЦ 267 развивается отмеченная исследователем тенденция к эпическому (сказочному и былинному) осмыслению сюжета [6].

Характеризуя эпическую тональность списка УЦ 267, О.В. Творогов указал на такие ее приметы, как «заповедный меч» Язона, с помощью которого он победил драконов, охранявших золотое руно, перстень-талисман, помогший ему вскрыть сундук, где хранилось это «сокровище», «звиздание», которым сопровождалось появление змея, пожирателя троянских «чад», «вороной жеребец», на котором скачет по полю боя Пирр [27, с. 233]. Можно привести и другие приметы сказочной поэтики, проявляющиеся в УЦ 267, главным образом, в первой части повествования, организованной сюжетом о добывании золотого руна. Уже в начальном фрагменте Троянских сказаний по списку УЦ 267, вводящем в повествование главного героя первой части произведения – «Азона» и тему золотого руна, ощущаются приметы эпического стиля с его поэтизацией героических качеств личности и абстрагирующими тенденциями. О Язоне здесь говорится: *Сей храбростию своею прославился во всем греческомъ царствѣ*, о месте, где хранится золотое руно, говорится по-сказочному неопределенно: «в нѣкоей странѣ», а само золотое руно характеризуется как *сокровище нѣкое пребогатое*, которое охраняется *страшными драконами, рекше змиями*; «Азон» отправляется в плавание *с многочисленною силою*; маршрут Язона также напоминает своею неопределенностью и труднопроходимостью маршруты сказочных персонажей: *чрезъ высокия и непроходимыя горы и пустыни*; пункт прибытия греков по-прежнему географически не определен, но определен эмоционально: *Наконецъ доехавъ до того страшнаго мѣста, гдѣ по преданию находится золотое руно*.

В ряде случаев сказочная поэтика прослеживается в концовках мяндинских переработок. Сказочный финал давал Мяндину прекрасную возможность счастливо завершить повествование в хорошо знакомых его землякам эпических формах. Так, например, в мяндинской редакции Повести о Тимофее Владимирском (ИРЛИ, УЦ 70, л. 55 об.–69 об.) мотив заслуженной героем награды за духовное спасение грешника приближен к сказочному. Это особенно явно ощущается в эпилоге, рассказывающем о возвращении отрока, которому достались богатства Тимофея, в Москву, его встрече с великим князем московским и митрополитом и получении от них вознаграждения за приведение к покаянию грешного священника. Мяндин подробно перечисляет все сокровища Тимофея, привезенные отроком и теперь представшие взору великого князя и митрополита: *Они же слышавше и видѣша драгоцѣнныя кони и одежды, и дорогия сруби, и злато, и серебро, и камени многоцѣнныя...* (л. 68 об.–69). Отметим, что в I и II редакциях Повести, исследованных и изданных М.О. Скрипилем [25], лишь кратко упомянуто об удивлении великого князя и митрополита, когда они услышали рассказ отрока: *...и остальшаяся вся показана имъ. Князь же и митрополитъ удивившася о семъ* (I редакция; во II ред. сходный текст).

В завершающем эпилог тексте печорского списка тема земной награды за духовный подвиг отрока получает оригинальное развитие в соответствии со сказочной традицией: великий князь женит его на «добродетельной» девице, отрок заводит себе дом «близ Москвы» и проживает в нем «в щастии и богатствѣ».

В связи с выявлением фольклорных элементов в переделках Мяндина мы обратили внимание на одно из сказаний о св. Николае, переписанное Мяндиным (ИРЛИ, УЦ 66 (л. 420–423 об.)), где нашла отражение одна из устно-поэтических легенд о знаменитом святом [15]. Оно рассказывает о поведении святого на Первом Вселенском соборе, проходившем летом 325 г. в Никее и осудившем ересь Ария. В списке Мяндина история о посещении св. Николаем Никейского собора не заканчивается, как в других списках Сказания, возвращением ему сана, которого св. Николай лишился из-за пощечины Арию, а получает дальнейшее развитие. Здесь противопоставляются нравственные позиции двух героев Сказания – св. Николая и «Касиана римлянина», один из которых (Никола) спас тонущего в море человека, несмотря на то, что тот в награду за спасение обещал только *дати малу свѣцу Господу Богу*, а другой (Касиан), комментируя на соборе поведение св. Николая, сказал: *Како ми итти малы ради свѣци в морѣ, азъ бы и за сий столтъ* (на который он опирался в момент произнесения этих слов – Т. В.), *...не пошелъ бы в море*. После этих слов участники собора решили, что *воистинну архиепископъ святой Никола Божий человекъ есть и достоинъ по успѣнии его память творити трижды в лѣто*, в то время как «память» Касиану – *точно на четвертое лѣто*.

Эта часть мяндинского списка Сказания имеет явно устно-поэтическую, легендарную основу. Среди устных сказаний о Николе, записанных фольклористами, имеется сюжет, близкий к рассматриваемому фрагменту мяндинской версии Сказания, на который

обратила мое внимание Т.С. Канева. А.Н. Афанасьев в своей книге «Народные русские легенды» [21] под № 11 приводит рассказ «Касьян и Никола», повествующий о том, как «Касьян-угодник», встретив на дороге мужика, у которого в осенней грязи увяз воз, отказался ему помочь, не желая «марать райского платья», а «Николай-угодник» помог мужику, не побоявшись запачкаться в грязи. Когда оба угодника явились к Богу в рай и тот выслушал их объяснения о том, что с ними произошло на земле, и, подобно участникам Никейского собора в мяндинском Сказании, «назначил» им разное почитание на земле [21, с. 78–82]. Возможно, Мяндину была знакома одна из таких легенд про св. Николая, и он использовал ее в своей версии Сказания, придав «народному» святому Николе более демократические черты по сравнению с высокомерным Кассианом.

В мяндинских переработках получили усиление и дальнейшую разработку и некоторые темы, с которыми он соприкоснулся, переписывая старинные повести и поучения. Обратимся к тематическому комплексу, оформившемуся в разного типа литературные сюжеты, который был использован Мяндиным в разных переработках в трансформированном виде. Он включает темы предательства, клеветы (как одного из методов его осуществления) и зависти (как движущей силы, толкающей на предательство). В одних случаях в сюжете древнерусских произведений, которые были использованы Мяндиным, присутствуют все три названные тематические составляющие, в других актуализируется на сюжетном уровне какая-то одна из них. Проследим, в какой степени и как именно эти темы трансформировались под пером печорского книжника.

В произведениях, переработанных Мяндиным, тема предательства представлена в трех аспектах: *предательство родины* (Повесть о Тимофее Владимирском); *предательство веры* (Повесть о Тимофее Владимирском, Сказание об участии св. Николая Мирликийского в работе Никейского собора, в котором описывается «предательство» Арием истинной веры, каким воспринималось его учение участниками Собора и активная позиция на Соборе св. Николая); *предательство близкого человека в семейной сфере* – жены – мужем (Повесть о царице и львице), дочери – отцом (Повесть о царевне Персике), брата – родными братьями (Сказание об Иосифе Прекрасном), воспитателя – приемным сыном (Повесть об Акире премудром), спасителя – спасенной (Троянские сказания) [12, с. 12–15].

Наиболее полно все три рассматриваемые сюжетно-тематические составляющие – предательство-зависть-клевета – представлены в Повести о царице и львице. В основной редакции Повести, по нашим наблюдениям [5], особую роль играет скрытая сюжетная линия, описывающая все этапы развития душевного состояния царя, главного героя Повести, обнаружившего, казалось бы, очевидную измену его супруги, возлежавшей на постели с обнаженным слугой: удивление царя, как его любимая жена могла так поступить, неуверенность царя, какую меру наказания применить к царице, неспособность услышать то, что ему говорят его ближние советники. В основе этого внутреннего сюжета лежит евангельская идея: сердце

человеческое в руках Бога, кто слушает Бога, не ошибется в выборе решения при сложных жизненных ситуациях и не будет доверять «очевидному». Сердце же царя оказалось закрытым, не слышащим подсказок Бога, и при принятии решения относительно царицы победил разум и увиденное земными глазами.

Рассмотрим, в какой степени этот сюжет был воспринят и использован печорским редактором Повести. Проведенный нами анализ текста мяндинских списков «Царицы и львицы» показал, что перипетии внутренней жизни царя, его сомнения («недоумение») меньше заинтересовали печорского редактора, чем перипетии внешнего сюжета о клевете и зависти матери царя, приведших в конечном счете к изгнанию царицы. Благодаря целому ряду сокращений тема удивления царя изменой супруги, сохраненная в начале мяндинской версии Повести, не оформляется в дальнейшем (как в основной редакции) в сюжет о «поврежденном сердце» царя. Покажем, какая перестройка текста привела к такому изменению сюжетной структуры в редакции Мяндина.

Обработка текста Мяндиным заметна уже в первом фрагменте, с которого в основной редакции начинается развиваться внутренний сюжет о выборе царя между сердцем и разумом. Передавая состояние царя после увиденного в спальне, Мяндин сохраняет мотивы печали и страха царя, звучащие в этом фрагменте основной редакции, но опускает мотив «недоумения», формулирующий в основной редакции суть конфликта, лежащего в основе внутреннего сюжета Повести, при этом прямая речь царя переводится в косвенную, опускается эпитет «горькие», сопровождающий тему «изменений» царицы в основной редакции, а увиденное царем определяется однозначно: «злое дело»: *Царь же от полоть изыде, во мнозъй печали и стразь бывъ, и размышляше в себъ, чесо ради сотвори таковое зло дъло и изменение царица к нему* (РНБ, НСРК О. 100, л. 30). Тем самым акцент повествования у Мяндина переносится с размышлений царя о непонятных («горьких») изменениях, произошедших с любившей его царицей, на результат «измены», увиденной земными очами царя – «зло дъло».

Далее Мяндин производит и композиционные изменения. Во-первых, опускается третье, решающее обращение царя к вельможам с просьбой взять на себя решение судьбы царицы и детей, в котором прямо формулируется внутренний конфликт в душе царя: *Имѣхъ бо ю <царицу> благочестиву и добродѣтелну, но самъ видѣвъ таковое зло*. Соответственно опускается и третий ответ «царского сигклита», в котором снова, уже в третий раз звучат темы божественного всеведения и справедливого суда. Во-вторых, в Мяндинской редакции в молитвах царицы, ведомой из темницы на площадь с уготованным ей костром, а также в ее речи, обращенной к царю, опущены все ключевые фразы, развивающие внутренний сюжет в основной редакции: о «повреждении души» царя, о том, что сердце царя в руках Бога и потому царица ждет милости только от Него.

Всех этих мотивов нет в мяндинской редакции Повести, но зато на первый план, «очистившись» от перипетий духовной жизни героя, выступает тема зависти и клеветы как первопричины страдания геро-

ев. Передавая молитву царицы к Богу, Мяндин добавляет отсутствующее в основной редакции объяснение, почему на царицу и любимого ею супруга обрушилась «напасть сия» – *клеветы ради и зависти злых*, а в речи, обращенной к царю, Мяндин (после слов царицы о ее невинности) добавляет: *но оклеветана есть от злых людей*. Повторенная дважды на небольшом отрезке повествования фраза о клевете как источнике бед царицы переключает внимание читателя на это видимое зло, оставляя в тени другое, не столь очевидное зло – предательство царем, в силу «повреждения души», своей возлюбленной супруги, нежелание его обратиться за помощью к Богу, перейти от «недоумения», вызванного случившимся, к вере в любовь и преданность близкого человека.

В результате проведенной Мяндиным переработки текста сюжет древнерусской повести в его редакции лишается глубины, своей двухуровневой (внешний и внутренний сюжеты) структуры. Сокращая текст основной редакции, Мяндин убирает второй план повествования. Его сюжет концентрируется на раскрытии темы зависти и клеветы, а скрытый духовный аспект сюжета остается за пределами текста, лишь напоминая о себе в начальных фрагментах мяндинской версии Повести.

Очевидна работа Мяндина над раскрытием темы зависти, клеветы и предательства и в другой его переработке – Повести о царевне Персике, сохранившейся в двух мяндинских вариантах (НБ СГУ, УЦ р.² 46, л. 303–318; ИРЛИ, УЦ 67, л. 165–195 об.). В основной редакции Повести также звучит, хотя и не в столь сюжетно разработанном виде, как в Повести о царице и львице, тема сомнения героя повести – царя Михаила Болгарского – в недостойном поведении его дочери Персики, о котором он узнает, уйдя на войну, из письма своей второй жены – мачехи Персики Люции, стремящейся избавиться от ненавистной падчерицы, превосходящей ее в красоте. Но Мяндин и в этой переработке опускает тему сомнений героя, на этот раз в добродетели дочери. Эпизод о получении царем Михаилом письма Люции предельно сокращен им: опущены и все конкретные составляющие клеветы на Персику (ее хождение по домам блудническим, где она *многие дни и ночи провождает*), и реакция на это сообщение царя Михаила. Зато рассказ о действиях клеветницы Люции против вызвавшей ее зависть «красоты дела» падчерицы передан во всех ключевых моментах фабулы. При этом печорским книжником проведена такая стилистическая обработка текста основной редакции «Персики», в результате которой тема зависти, как и в Повести о царице и львице, оголяется и выдвигается на первый план повествования. Работу Мяндина над сюжетом Персики можно уподобить превращению живописного полотна в одноцветный рисунок: убираются все мелкие подробности, окружающие тему зла и зависти в основной редакции, и тема эта, лишённая лексического «кружева», отвлекающего внимание читателя, в графически оголенном сюжете выходит на первый план повествования.

В сюжете третьей повести – об Акире Премудром – мы встречаем тот же треугольник персонажей, насыщаемый темой клеветы и зависти с новым распределением ролей. Роль завистника и клеветника отведена здесь приемному сыну главного героя – мудреца Акира – Анадану, сам Акир становится жертвой клеветы и зависти своего воспитанника, а орудием в руках клеветника становится ливийский царь Синограф. Не прибегая к подробному анализу текста III редакции повести об Акире, послужившей источником для Мяндина в двух вариантах его переработки «Акира» (ИРЛИ, УЦ 67, л. 107–219 об.; ИРЛИ, УЦ н.³ 368, экспедиционная копия из мяндинского Цветника, составленная Н.С. Демковой), приведем наши наблюдения об осмыслении печорским книжником этого средневекового сюжета [8; 9].

Если в древнейшей редакции основной конфликт Повести, по замечанию О.В. Творогова, – это «борьба двух моралей: столкновение благородного и мудрого Акира и его неблагодарного и коварного племянника Анадана» [26, с. 174], а в III редакции главный герой – «не столько несчастный отец, вскормивший и воспитавший негодяя, сколько впавший в немилость, оклеветанный вельможа» (Там же, с. 175), то для Мяндина, воспитанного в строгих рамках старообрядческого семейного уклада, основанного на почитании родителей, послушании им, на первый план в сюжете «Акира» выдвигается проблема *сыновнего* предательства, причиной которого Мяндин считает зависть Анадана к богатству и славе его приемного отца Акира, поселившуюся в сердце воспитанника не без воздействия «злосозненного» «врага дьявола». После описания казни Анадана в списках Мяндина звучит наставление автора читателям: *необходимо, ...чтобы не токмо дЪти родных, но и усыновленные бы почитали названныхъ своихъ отцевъ и матерей и не оклеветали бы зависти ради* (ИРЛИ, УЦ 67, л. 219–219 об.). Тема нарушения этой моральной заповеди героем повести Анаданом в заключительных словах Повести выводится Мяндиным на философские высоты эсхатологической темы посмертной судьбы человеческой души, столь волновавшей старообрядцев: *за что не токмо здѣ примут* (непочитающие родителей – Т. В.) *достойную казнь, но и по смерти муку вЪчную* (Там же, л. 219 об.).

Таким образом, анализ трех мяндинских переработок древнерусских повестей, в которых звучат темы зависти, клеветы и предательства, показывает, что печорский книжник увидел за строками средневековых произведений свои картины, соотносящиеся с его личным крестьянским и человеческим опытом, по своему услышал диалоги героев старинных повестей. Упростив язык и в то же время добавив в повествование этикетные формулы, хранившиеся в «литературной» памяти начитанного в древнерусских текстах книжника, Мяндин придал своему повествованию напряженность, конкретность и зримость, усилив звучание волновавших его тем, сохранив, вместе с тем, в своем повествовании связь с литературной традицией.

Невозможно обойти в данной статье и еще одну тему, которая волновала печорского книжника. Это тема любви между мужчиной и женщиной, которая в

² НБ СГУ УЦ р. – Усть-Цилемское собрание рукописей Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета.

³ ИРЛИ, УЦ н. – Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ.

средневековых текстах разрабатывалась достаточно абстрактно и лишена была ярких подробностей. Поэтому Мяндин, встречая в средневековых сюжетах упоминания о любовных взаимоотношениях героев, стремился дополнить их своими деталями и комментариями. Обычно эти фрагменты легко вычлениваются из основного текста повестей, так как они написаны языком крестьянина XIX в. Приведем наиболее яркий пример таких «расширений» древнерусского текста из мяндинской переработки библейского сказания об Иосифе Прекрасном.

К Сказанию об Иосифе Мяндин обращался трижды (списки ИРЛИ, УЦ 267, л. 35 об.–55, УЦ 66, л. 29 об.–47 об. и РНБ НСРК О 100, л. 133 об.–146 об.; см. издание текста: [2, с. 277–296]). Наиболее интересны с точки зрения темы статьи вторая (УЦ 66) и третья (РНБ НСРК О 100) стадии переработки мяндиным сюжета об Иосифе. В списке УЦ 66 печорский книжник, с одной стороны, еще полностью следует за композицией своих источников, не подвергает текст последовательному сокращению, с другой – весьма существенно перерабатывает сюжет, вводя новые сюжетные мотивы и меняя акценты в обрисовке образов главных героев. В этой версии появляется новое вымышленное действующее лицо – некто Селима, возлюбленная Иосифа, сюжетная роль которой – мотивировать зависть, которую испытывал к Иосифу один из его братьев Симеон, также претендовавший на руку Селимы.

Введение И.С. Мяндиным нового действующего лица повлекло за собой и введение в дальнейшее повествование ряда новых сюжетных мотивов, развивающих тему Селимы, которые связали «египетскую» часть Сказания с началом рассказа. Так, образ Селимы появляется в сцене соблазнения Иосифа женой Потифара (которая здесь названа Далукой) и в сцене посещения ею Иосифа в темнице (также придуманной Мяндиным), в которой Далука слышит, как Иосиф во сне разговаривает со своей невестой, что лишает Далуку последней надежды завоевать его сердце.

Существенно переосмысливается во второй мяндинской версии Сказания и образ соблазнительницы Иосифа – Далуки. Из орудия сатаны, окаянной блудницы, какой она вслед за Словом Ефрема Сирина, одного из источников Мяндина, предстает в списке УЦ 267, Далука в новой версии сюжета превращается в любящую и страдающую от неразделенной любви женщину, которую только страх оказаться разоблаченной мужем толкает на оклеветание Иосифа. Эта перестройка образа Далуки начинается с первого эпизода ее появления. Здесь Мяндин вводит отсутствующую в источниках характеристику жены Потифара как первой красавицы Египта, «земной богини», что находит себе художественную параллель в последующем эпизоде соблазнения Иосифа, в котором из-под пера Мяндина появляются новые художественные детали: отчаявшись привлечь Иосифа своими нарядами и благовониями, Далука обращает внимание юноши на обнимающихся богов – Венеру и Марса, статуя которых как бы демонстрирует радость плотской любви. Так же, по художественной логике Мяндина, считает себя достойной любви и «земная богиня» Далука. В этой мяндинской редакции в рассказе о Далуке И.С. Мяндиным сняты все упоминания о ее блудной

страсти, влекущей Далуку к Иосифу, об охватившем ее вожделении, которыми насыщен текст варианта УЦ 267. Вместо выражения «блудная страсть» появляется слово «любовь». Таким образом, здесь в Мяндине-редакторе побеждает писатель, пытающийся в духе нового времени по-крестьянски осмыслить любовные взаимоотношения своих персонажей.

В третьей версии Сказания (РНБ, НСРК О. 100) заметна дальнейшая работа печорского книжника над образами Иосифа и Далуки. Сцена соблазнения Иосифа женой Петерфия тщательно разрабатывается: во-первых, подробно описывается место действия. В источниках Мяндина – Слове Ефрема Сирина и Хронографе – оно никак не обозначено, в двух первых мяндинских версиях – это спальня жены Петерфия («ложница»), о чем упоминается вскользь. В третьей версии – это «нѣкий прекрасный садъ», куда однажды заходит Иосиф, а вслед за ним и Далука. Встреча эта рисуется Мяндиным как нечаянная, а не подстроенная Далукой, и все последующее ее поведение приобретает характер экспромта. Речь Далуки, обращенная к Иосифу, здесь сокращается, текст становится более энергичным, действия Далуки более стремительными. Тема Селимы, оставшейся на родине невесты Иосифа, вводится прямо в монолог Далуки, воспринимающей ее как соперницу: *И со словом обнажи всѣ свои члены донага и сказа: «Виждь, Иосифе, мои члены, нѣбужели лучше моихъ у твоей Селимы?»* Меняется и рисунок поведения Иосифа. Из непоколебимого праведника он превращается в смущенного мужчину, который начинает колебаться в своей аскетической позиции, что сразу замечает влюбленная Далука: *Иосифъ же при такомъ зрѣлици весь измѣнися, то зря на идоловъ, то на Далуку обнаженную, но Далука восторжествовала, увидя Иосифа, яко соизволяюща, бросилась к нему в объятия.* И только после этого Иосиф *спомнилъ свою Селиму и Иякова, и какъ стрела из лука бросилъ вонъ из саду,* оставив свою ризу в руках Далуки.

Таким образом, от версии к версии в списках Мяндина образ главного героя Сказания – Иосифа – все более приближался к представлениям печорского крестьянина об Иосифе как реально существовавшем человеке, умеющем хранить верность любимой женщине, но способного и поколебаться в этой верности перед лицом ее красивой соперницы. Менялся в ходе работы над Сказанием и образ героини – соблазнительницы Иосифа: из злодейки, орудия дьявола, она превращалась в любящую женщину, поступки которой диктуются не греховным вожделением, а истинным сильным чувством, вызывающим сочувствие читателей. Так печорский книжник попытался наполнить древнерусские тексты описаниями чувств и душевных состояний своих героев, которые отсутствовали в его источниках (подробнее см.: [14]).

Мы рассмотрели далеко не полный спектр тем, которые получили переосмысление в мяндинских редакциях древнерусских повестей, остановившись на тех, которые особенно активно разрабатывались И.С. Мяндиным. Но и представленные здесь материалы позволяют увидеть ту новую жизнь, которую обрели древнерусские сюжеты за пределами Средневековья – во второй половине XIX в. – под пером писателя из старообрядческой крестьянской среды.

Литература

1. Владимиров, П. В. Древнерусское слово о ленивом и сонливом / П. В. Владимиров // Доклады, читанные на девятом археологическом съезде в Вильне: Отдельный оттиск из Трудов IX Археологического съезда в Вильно). – Москва, 1897.
2. Волкова, Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей / Т. Ф. Волкова. – Сыктывкар, 2005.
3. Волкова, Т. Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург, 2006. – Т. 57. – С. 839–890.
4. Волкова, Т. Ф. К вопросу о крестьянском взгляде на средневековые сюжеты (усть-цилемец И. С. Мяндин и усть-куломец И. С. Рассыхаев) / Т. Ф. Волкова // Народная культура в слове и тексте : сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. – Сыктывкар : Издательство СыктГУ, 2013. – С. 43–51.
5. Волкова, Т. Ф. К вопросу о характере сюжета в «Повести о царице и львице» / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. – Сыктывкар, 2003. – Вып. 5. – С. 4–17.
6. Волкова, Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний (две редакции И. С. Мяндина) / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург, 2004. – Т. 55. – С. 394–414.
7. Волкова, Т. Ф. Крестьянский взгляд печорского старообрядца И. С. Мяндина на сюжетные ситуации древнерусских повестей / Т. Ф. Волкова // Двадцатая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета (Февральские чтения) : сборник материалов. – Сыктывкар, 2013. – С. 16–21.
8. Волкова, Т. Ф. Осмысление усть-цилемским крестьянином И. С. Мяндиным средневекового сюжета об Акире Премудром / Т. Ф. Волкова // Рябининские чтения-2011 : Материалы VII научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2011. – С. 425–428.
9. Волкова, Т. Ф. Повесть об Акире Премудром в печорской рукописной традиции / Т. Ф. Волкова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 113–129.
10. Волкова, Т. Ф. Повесть о Тимофее Владимирском в переработке печорского крестьянина И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. – Сыктывкар, 2001. – С. 4–21.
11. Волкова, Т. Ф. Поучения против лени в круге чтения старообрядцев Нижней Печоры / Т. Ф. Волкова // Старообрядчество: история, культура, современность. – Москва, 2004. – Вып. 10. – С. 55–79.
12. Волкова, Т. Ф. Средневековые сюжеты о предательстве, зависти и клевете в осмыслении печорского книжника XIX в. И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2011. – № 2. – С. 11–17.
13. Волкова, Т. Ф. Фольклорные темы и образы в литературных переработках древнерусских сюжетов И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Рябининские чтения-2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015. – С. 463–465.
14. Волкова, Т. Ф. Сказание об Иосифе Прекрасном в обработке печорского книжника И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова, М. В. Михайлова // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург, 2009. – Т. 60. – С. 529–555.
15. Волкова, Т. Ф. Печорские списки Повести о хождении святого Николая на Первый Вселенский собор / Т. Ф. Волкова, С. Е. Плехова // Слово и текст: история, культура, этнос : Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. – Сыктывкар, 2009. – С. 44–53.
16. Волкова, Т. Ф. К изучению Повести о царевне Персике / Т. Ф. Волкова, Г. В. Чупрова // Традиция и литературный процесс. – Новосибирск : Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1999. – С. 16–25.
17. Малышев, В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике / В. И. Малышев // Исследования и материалы по древнерусской литературе. – Москва, 1961. – Вып. 1. – С. 326–337.
18. Малышев, В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания / В. И. Малышев // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград, 1961. – Т. 17. – С. 561–604.
19. Малышев, В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. / В. И. Малышев. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1960.
20. Малышев, В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин / В. И. Малышев // Древнерусская книжность. (По материалам Пушкинского Дома). – Ленинград, 1985. – С. 323–337.
21. Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. – Новосибирск, 1990. – 266 с.
22. Памятники письменности в хранилищах Коми АССР : каталог-путеводитель / составитель Т. Ф. Волкова [и др.]. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1989. – Часть 1. Выпуск 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета.
23. Ромодановская, Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 216–226, 350–361.
24. Рыжова, Е. А. Описание печорских рукописей из фондов библиотеки Российской академии наук / Е. А. Рыжова // Книжные центры Республики Коми : Усть-Цилемский район. – Сыктывкар : Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 230–285.
25. Скрипиль, М. О. Повесть о Тимофее Владимирском / М. О. Скрипиль // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград, 1951. – Т. 8. – С. 287–307.
26. Творогов, О. В. Переводная беллетристика XI–XII вв. / О. В. Творогов // Истоки русской беллетристики. – Санкт-Петербург, 1970. – С. 163–180.
27. Творогов, О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников / О. В. Творогов // Рукописное наследие Древней Руси : (по материалам Пушкинского Дома). – Ленинград, 1972. – С. 228–241.
28. Усть-Цилемская книжность в исследованиях филологов Сыктывкарского университета: тематический библиографический указатель // Книжные центры Республики Коми : Усть-Цилемский район. – Сыктывкар : Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 317–350.
29. Чалкова, Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина / Т. Ф. Чалкова // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. – Новосибирск, 1987. – С. 234–248.

T.F. Volkova

A NEW READING OF ANCIENT RUSSIAN PLOTS BY THE PECHORA PEASANT OF THE 19TH CENTURY (LITERARY EDITING BY I. S. MYANDIN)

The article deals with a number of revisions of ancient Russian tales made by I.S. Myandin, a Pechora scribe of the 19th century. I.S. Myandin's literary editing reflects the themes, ideas and images that worried the Ust-Tsilma Old Believer. His additions to the Old Russian text are revealed.

Ust-Tsilma, I.S. Myandin, revisions of Old Russian tales, the Old Believers' literacy.